

МГУ-

этим все сказано!

Студент

Факультет
словесности

Премьера рубрики. С её страниц к вам, дорогие читатели, обратятся со своими размышлениями и исследованиями ведущие педагоги легендарного вуза – МГУ имени М.В. Ломоносова.

Наталья Солнцева

О солдатиках

Наталья Михайловна Солнцева – доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Автор статей по истории русской литературы, книг «Китежский павлин. Филологическая проза: Документы, факты, версии» (1992), «Последний Лель: О жизни и творчестве Сергея Клычкова» (1993), «Сергей Есенин» (1997), «Станный эрос: Интимные мотивы поэзии Николая Клюева» (2000), «И.С. Шмелёв: Аспекты творчества» (2006), «Иван Шмелёв: Жизнь и творчество» (2007), «Крестьянский космос в русской литературе 1900–1930-х годов» (2013). Читает лекционные курсы по истории русской литературы, руководит работой спецсеминара «Ортодоксы и еретики: Из истории мировоззренческих и стилевых исканий XX в.».

Э то кто такой красавчик? Английский гвардеец, нюрнбергский солдат, русский гусар... И пограничник. Как у И. Елагина: среди матрёшек, кукол в колясках, пожарников, прыгунов-дрыгунов – «Пограничник с ружьцом»¹. И самурай. Как у В. Иванова: «Под зелёным светом газа в длинной лавке / Среди зеркал и гребёнок стоит игрушка: / Разодетый самурай под цветущей вишней / Чертит на дереве заветное имя»².

Солдатики – это серьёзно. От собрания солдатиков принца Оранского пошёл нидерландский боевой порядок. У игрушечных войн, как правило, настоящая тактика и стратегия, и о ведении «оловянного» боя Г. Уэллс написал книгу («Little Wars»).

Солдатики – желанный подарок. Японским мальчикам до пятнадцати лет пятого мая дарят кукольных воинов. Мария Медичи подарила будущему Людовику XIII коллекцию из трёхсот солдат. В Лувре есть картина М. Буланже «Маленький Людовик XIII играет с отцом и братом в сражение при Ивре». Фриц Штальбаум мечтал о рождественском подарке – «прекрасных солдатах, которые будут маршировать», храбро защищать крепость от неприятеля, «громко стрелять из пушек»; он получил целый эскадрон гусар «в ярко-красных, с золотом мундирах», они «размахивали серебряными сабельками и сидели на таких чудесных белоснежных конях, что можно было подумать, что и кони были сделаны из чистого серебра»³ («Щелкунчик и мышинный король», 1816). Мальчик Виктор из «Детства Никиты» (1922) А. Толстого под ёлкой нашёл полк солдат с пушками и палатками. Маленький герой И. Шмелёва в Рождество решает подарить бедному Пискуну – из тех, что живут «за окнами», солдатику, «без головы которого»⁴, а бедняжка Козетта В. Гюго была счастлива уже тем, что укутывала в лоскутки и убаюкивала оловянную сабельку.

Солдатики – забава бедных и богатых. С солдатами играли венценосцы. Миниатюрная оловянная артиллерия Петра Первого, коллекция солдатиков Петра Третьего, солдатики будущего императора Николая Первого, солдатики его брата Михаила...

В детской комнате Николая II были полки оловянных солдатиков, часть коллекции – от ювелирной фабрики К. Фаберже. В сергиево-посадском Музее игрушки есть солдатики цесаревича Алексея – русские, германские, французские. Есть пасхальное яйцо с фигурками солдатиков в формах лейб-гвардии Московского и Финляндского полков. Картонная армия Людовика XIV насчитывала двадцать эскадронов, десять батальонов. У сына Наполеона было сто семнадцать солдатиков – из глины и золота. У Й. Лейболда есть картина «Наполеон с сыном играют в солдатиков, расставленных на карте в кабинете императора в Тюильри».

На этажерочке в комнате Котика Летаева стояли солдатики: «<...> оловянные гренадёры мои серебрятся мне лицами...»⁵. Андрей Белый, и будучи взрослым, играл в оловянных солдатиков. Как Питер Пэн, он всю жизнь пребывал в стране Невверленд. Из воспоминаний Л. Ивановой о «баш-

не» Вяч. Иванова: «Как-то при разговоре со мной Белый открыл, что мне нравится играть в солдатики. Это привело его в восторг. Он объявил, что это его любимая игра. На Башне была одна полупустая комната, где висели кольца для моей гимнастики, где я играла на скрипке и где стоял очень длинный раздвижной стол. Этот стол сделался нашим царством. Мы завели целые армии разнообразных солдатиков, разных наций и родов войск – пехоты, артиллерии, кавалерии. Из чего попало было создано что-то вроде крепостей: моя с одной стороны стола, его – с другой; происходили бои, при которых мы стреляли по враждебному войску горохом из минискольных пушек. Это увлечение у Белого длилось довольно долго. Он не раз привозил новых солдатиков, приезжая в Петербург. Но в один прекрасный день произошла драма. В своей крепости я нашла солдатика из вражеского войска: стало быть, шпиона. Из прочитанных рассказов военных приключений я знала, что шпионов казнят, и повесила солдатика на стене крепости, чтобы враги его видели. Когда Белый явился, он был потрясён и молча убежал в свою комнату. Я была смущена, но объяснений между нами не произошло, а игра прекратилась»⁶. Его согласие с солдатиками, очевидно, мало чем походило на игру в солдатики. Они составляли не меньшую суть его мира, чем философствование о мире. В них было что-то личное, и они же открывали ему «тончайшие проблемы познания», пути философии – не «законченной дисциплины», не «абстрактнейших рассуждений о предмете», а философии древних времён, о непосредственности которой он писал с такой любовью: «сама энергия стремления, сам пафос, который заставляет нас что-то искать», «сливалась с жизнью», «не противопоставляла себя общему жизненному потоку», «чаяние»⁷ и т.д. (доклад «Философия культуры», 1920).

Солдатики феноменологичны. О них живёт тактильная, зрительная, обонятельная, звуковая память. А. Бенуа, влюблённому в деревянных солдатиков, которые продавались на любом рынке, вспоминалось об их яркой раскраске – голубых мундирах с жёлтыми пуговицами и белых штанах; об их запахе, «которым густо были напитаны игрушечные лавки»⁸. Такая очевидность в редукции детства. Из простых, народных, солдатиков он более всего любил барабанщика – тот выстукивал дробь у своей будки, надо только повертеть за встроенную в подставку ручку.

Солдатики – самые достойные из кукольного народа, всегда бескорыстные, без намёка на слезливость, неизменно вежливые. Те, что в кукольной стране стояли на часах у ворот из миндаль-

*Солдатики – самые
достойные из кукольного
народа, всегда бескорыстные,
без намёка на слезливость,
неизменно вежливые*

ного печенья и обсахаренных фруктов, конечно, отдали честь Щелкунчику и Мари.

Солдатики лишены банальных легенд, вроде тех, которые тянутся за пьеро, арлекинами, мальвинами, барби и проч. Но их мир не менее насыщен и более насущен. Он необходим не только им, но – государству! У А. Бенуа читаем о солдатах, что «продавались в коробках, в которых обыкновенно помещались ещё всякие другие вещи: холщовые палатки, которые можно было расставлять, пушки на колёсах и т.п. Всё это было страшно интересно, и я действительно блаженствовал, когда расставлял всё это на столе, создавая себе иллюзию, что всё это настоящее. Если же к этому прибавлялись оловянные тонко-ажурные кусты и деревца, а также те восхитительные домики, которые папа мне вырезал и клеил, то иллюзия правды становилась ещё полнее»⁹.

Солдатык – эталон красоты. Как улан в «Тамбовской казначейше» (1838): «Он был мужчина в тридцать лет; / Штабротмистр, строен, как корнет; / Взор пылкий, ус довольно чёрный: / Короче, идеал девиц, / Одно из славных русских лиц»¹⁰. Солдатык широкогруд, без пивного живота, не сутулится, мундир на нём не висит. «Стойкий оловянный солдатык» (1838) Г.-Х. Андерсена начинается со слов восхищения двадцатью пятью солдатами: «<...> ружьё на плече, голова прямо, красный с синим мундир – ну, прелесть что за солдаты!»¹¹.

Но что делать некрасивым? Как правило, нет кукол-уродин. Но солдатыку можно быть уродливым.

Во-первых, в некрасивости есть неразгаданность. Во-вторых, осознание своей некрасивости – стимул к самореализации. Гумилёв косил, его череп был сужен кверху, он шепелявил – и он знал, что некрасив, сравнивал себя с Терситом, а тот был ещё и хромоног. Как говорила А. Ахматова: «А Терсит был косоглаз, с узким черепом, горбат»¹². Гумилёв стал мэтром поэзии и воплощением мужественности, о себе юном писал: «некрасив и тонок», но «колдовской»¹³, тот, кто дождь останавливает словом («Память», 1921).

В конце концов некрасивые находят свой привлекательный тип поведения. И. Чиннов так выразился о невзрачности А. Ремизова и Л. Толстого: «С ним произошло вот что. Взглянувши однажды на себя в зеркало, он понял, что при такой наружности надо что-то предпринять. Это же случилось и со Львом Толстым. Както, когда ему было лет тридцать, он во фраке увидел себя в зеркале. Такая физиономия! И Лев Толстой, умная голова, решил – никаких фраков. Рабочая блуза, борода. И всё встало на место. Также поступил и Ремизов. Отказался от пиджаков, галстуков. Надел блузу и стал паясничать и фиглярничать, выступая шутлом гороховым»¹⁴.

Некрасивые – и мужчины, и женщины – возбуждают чувственность. С одной стороны, Есенин допускает, что некрасивого полюбить непросто: «Ты меня не любишь, не жалеешь, / Разве я немного некрасив?», с другой – она «от страсти млеет», а он её любит «не очень»¹⁵ («Ты меня не любишь, не жалеешь...», 1925). В «Серебряном голубе» (1909) А. Белого эстет-народолоб зачарован рябой, безбровой, косоглазой Матрёной. В «Леночке» (1910) А. Куприна стареющий полковник вспоминает о своей влюблённости в некрасивую девушку. Р. Най придумал, что шекспировская смуглая леди сонетов – мулатка из Вест-Индии с африканской кровью, «по общим меркам отнюдь не красавица»¹⁶. Подобных примеров много. В рассказе «Противоречивые мысли по поводу одной некрасивой женщины» Г. Маркес описывает случайную встречу в кафе с некрасивой незнакомкой, которая к тому же неумеренно поглощала мороженое, – и вопреки здравому смыслу герой влюбляется: «Видимо, когда все мыслимые границы некрасивости нарушены, она совершенно неожиданно становится привлекательной», мужчина может перед такой женщиной «оцепенеть», как перед совершенной, «она возбуждала во мне те же чувства, что и самая пленительная, самая обольстительная дама»¹⁷. Северянин как выдохнул: «О, добрый взгляд! О, лисья шубка! О, некрасивых красота!»¹⁸ («Нарва», изд. 1923).

Вселенная некрасивых отличается от вселенной красавчиков и красавиц, как, по словам А. Камю, «вселенная кошки отличается от вселенной муравья»¹⁹. Жизнь уродливых солдатиков похожа на сериал, в котором нет щегольства, есть героика, трагедия, мелодрама.

Р. Якобсон полагал, что наследие Андерсена (впрочем, как Шиллера, Гофмана, Гейне, Гёте) было бы ущербным, если бы он «на четвёртом десятке сошёл со сцены»²⁰ («О поколении, рас-

тратившем своих поэтов», 1930). Но всё-таки Андерсен создал «Стойкого оловянного солдатика» задолго до сорока. Герой одноног – на вторую ногу не хватило олова. На одной ноге стояла и танцовщица, что было знаком не уродства, а изящества. Одноногость солдатика компенсировалась стойкостью. Сюжет сказки чрезвычайно насыщен событиями, и все они каждый раз выявляют эту стойкость, но герой Андерсена всё же беспомощен перед судьбой: от сквозняка он полетел вниз с третьего этажа, уличные мальчишки отправили его в плавание в лодке из газеты, к нему привязалась крыса, она гналась за ним и требовала от него паспорт, он попал в водопад, потом он стал тонуть, потом его проглотила рыба, потом в чреве рыбы он оказался сначала на рынке, затем на кухне и благодаря кухарке вновь увидел свет. Порой он дрожал, ему было страшно, но держался стойко и «даже глазом не моргнул»²¹. Наконец, он увидел себя в той же комнате, с теми же детьми, с той же танцовщицей. Потом он попал в печку, куда, подхваченная ветром, полетела и танцовщица. Жестокая романтическая история, в которой, очевидно, сказалось отношение робкого и вообще-то некрасивого Андерсена к недостижимой Люсиль Грант.

У Г. Иванова есть такие стихи: «О муза! Гофмана я развернул вчера / И зачитался до рассвета»²² («Мгновенный звон стекла, холодный плеск воды...»). «Щелкунчиком» (1816) зачитываются в любом возрасте. Щелкунчиков мастерили с XVII в. Их статус – национальная игрушка. Герой Гофмана некрасив и героичен. Он много чего претерпел.

Мари Штальбаум видит рождественский подарок отца – нескладную нюрнбергскую куклу из дерева: «<...> невысокого роста, с большим животом, маленькими тонкими ножками и огромной головой»; привлекательной была лишь одежда: «лиловая гусарская курточка с множеством пуговиц и шнурков, такие же рейтузы и высокие лакированные сапоги, точь-в-точь такие, какие носят студенты и офицеры»²³. И Гофмана красавцем не назовёшь. Мари как-то сразу оценила добродушное лицо Щелкунчика, его излучающие дружелюбие

светлые зелёные глаза. Фриц, напротив, увидел в Щелкунчике только маленького уродца. Более того, он усугубил его уродство – большим орехом сломал Щелкунчику три зуба и челюсть.

Но не красавцы-гусары Фрица, а Щелкунчик проявил беспримерную храбрость. Для солдатика всё же главное не щегольство, а смелость. Пусть даже неуместная, как в сказке Дж. Родари «Путешествие Голубой Стрелы» (1964). Решительный кукольный Генерал из истории Родари поддерживает намерение кукол убежать в новогоднюю ночь из магазина старой Феи. Его жажда подвига экстазна, темперамент пылкий, его поступки излишни и говорят о готовности ввязаться в какую-нибудь историю. Он затевает небольшую войну на четверть часика, так как пушки заржавели. Своим видом и выкриками о неприятеле он будоражит войско, и игрушечные артиллеристы разворачивают пушки в боевом порядке, стрелки заряжают ружья, офицеры командуют и покручивают усы и т.п. Пушки проваливаются в яму, а Генералу приходит конец: он теряет смысл своего воинственного существования, цепенеет, буквально превращается в снежную статую. При внешнем сходстве этого случая с сюжетом о Бородавкине из «Истории одного города» (1870) М.Е. Салтыкова-Щедрина (тот в раже утопил пушки в болоте), разница существенная. Генерал благороден, Бородавкин злобен. Солдатики за Генералом следуют, а оловянные солдатки, составившие, казалось бы, благонадёжный резерв войска Бородавкина, не откликнулись на его призыв, и атака горы Свистухи захлебнулась.

Гусары Фрица под натиском мышины артиллерии бежали с поля битвы. Даже три паяца, Полишинель, трубочист, два тирольца и барабанщик бесстрашно бросились в бой. В наказание Фриц сорвал с шапок своих любимцев кокарды и на год запретил им играть походный марш (красавчики – везунчики: позже он сменил гнев на милость и пожаловал им высшие знаки отличия – султанчики из гусяных перьев).

Не к блистательным, не к гламурным куклам, а к Щелкунчику Мари проявляет истинную человечность. Она спасает его от мышинных зубов, ради него отдаёт мышам свои конфеты, сахарных и пряничных куколок. А он, уродец, – проводник в мир не видимой никому, кроме Мари и старика Дроссельмейера, реальности. Он расколол орех Кракатук, расправился с колдуньей Мышальдой и её сыном, оказался заколдованным принцем кукольного царства. Для Гофмана он не менее значим, чем солдатик для Белого: Щелкунчик – сущность молодого Дроссельмейера, жениха

Гофман считал, что настоящая сказка состоится только тогда, когда в основе её есть «какой-нибудь философский взгляд на жизнь»

повзрослевшей Мари. Тот даже орехи щёлкал, как Щелкунчик: «<...> самые твёрдые не могли устоять против его зубов. Правой рукой клал он орехи в рот, левой дергал себя за косу, раздалось – крак! – и орех рассыпался на кусочки»²⁴.

История более затейливая, чем фольклорная сказка. Сюжет-каприз, прихоть в духе «фантастически гротескных листов Калло»²⁵, которые Гофман полюбил за сродство были и небылицы, за фантастичность в повседневности. И А. Бенуа писал о них: «Прямо-таки неисчерпаемый и достовернейший материал»²⁶ для изучения быта Италии и Франции первой трети XVII в. Всё, что случилось с Мари и Щелкунчиком, очевидно для одних и невероятно для других. Первые могут, как писал Гофман, «отдаться задорной, причудливой игре не в меру, быть может, озорливой колдовской силе», вторые жизнь принимают «всерьёз и торжественно»²⁷ (предисловие к «Принцессе Брамбилле», 1820).

Гофман считал, что настоящая сказка состоится только тогда, когда в основе её есть «какой-нибудь философский взгляд на жизнь»²⁸. В «Щелкунчике» это неоднозначность бытия, четвёртое или пятое измерение, накрепко связанное с нашей трёхмерностью. Щелкунчику открыт параллельный мир. И господину Дроссельмейеру – чиновнику, часовщику, волшебнику – он открыт. Как справедливо пишет М. Шемякин – автор концепции, декораций, костюмов балета «Щелкунчик» на сцене Мариинского театра – из романтических арабесок Гофмана вышли и «Петербургские повести» Гоголя, и «Двойник» Достоевского²⁹: мир Гофмана «абсолютно естественный», Гофман «приоткрыл одну из занавесочек, скрывающих внутреннее взглядывание, проникновение в один из, условно говоря, параллельных миров», который «является абсолютно точным ракурсом мира реального»; более того, мир реальный может быть более страшным и изломанным в своей «уродливой реалистичности»³⁰.

Чудесное в обыденном – суть гофмановского романтизма и его собственной реальности. В сыне кёнигсбергского адвоката

сосуществовали юрист, музыкант, сказочник. Он знал о соположении обывательского, привычного в добропорядочном обществе и невероятного, вдохновенного. Он лишился работы, нуждался, умерла его двухлетняя дочь, заболела жена; наконец, он стал капельмейстером, влюбился, но возлюбленная обручилась с банкиром и т.д. Жизнь обесмыслилась, но вот он начал писать сказки, новеллы, романы, по-отечески привязался к дочери своего друга Мари Гитциг. Для неё он крестный, как Дроссельмейер для Мари Штальбаум. Ей в 1816 г. исполнилось двенадцать лет, как Мари Штальбаум. Ей он, как Дроссельмейер, открыл параллельный мир.

Сюжет Гофмана не мог не аукнуться в литературе. Если А. Дюма даёт адаптацию сказки («История Щелкунчика», 1844), то З. Прилепин выходит за пределы кукольной парадигмы. Но следует алгоритму Гофмана. «Милый мой Щелкунчик, дорогой мой щелкопёр: Рождественский экспромт на тему классической сказки» (2007) написан от лица Мари. Её дядя-крёстный – часовщик Дроссельмейер, которого засадили в большой каменный дом. Её брат – Фриц. Следователь по особо важным делам – нелепый, смешной майор, в пенсне, большеглазый, большезубый, щёлкал «дела» как орехи. Он храбр, знает, что, если освободит невиновного Дроссельмейера и арестует настоящего злодея, ему останется жить не более пятнадцати минут. Задержали и злодея, и начальника темниц, сняли начальника безопасности государства, и нескольких министров, и премьер-министра, похожего на крысу. На Щелкунчика организована погоня, но Фриц помогает Щелкунчику и Мари, они спасаются в стране с цукатными рощами и марципановыми замками.

Солдатык, игрушка вообще – матрица. «Жизнь совсем была похожа / Вот на этот магазин», – написал Елагин, сын репрессированного поэта, эмигрант, прошедший лагерь для «ди-пи», в «Магазине игрушек», там есть строки: «Был дрыгун я, был прыгун, / Был я по миру скакун, / А за мной, за дрыгунцом / Пограничник с ружьемом!»³¹. Солдатык – образ национальной идентичности и информатор времени, его берут в будущее. Герой «Письмовника» (2010) М. Шишкина Володя вспоминает эпизод из детства: в банку из-под французского печенья он положил свои фотографии, мамино фото, рисунки, карандаши и солдатиков, закопал банку под жасмином, воображая, что через много лет её откопают и по содержимому узнают о его жизни. В этом правды больше, чем в том, что со времён Ставрогина все мы граждане кантона Ури,

земли Вильгельма Телля («Русская Швейцария», 2000), на что так ярко отреагировал Б. Кенжеев: «Тут я с Вами категорически не в силах согласиться, дорогой Михаил Шишкин! Допустим, где-то в кантоне Ури и проживает некто Ставрогин, предпочтя родные березы и деревянные церквушки, то есть землю, которую, по выражению поэта, “в рабском виде Царь Небесный исходил, благословляя”, швейцарскому сыру из козлиного молока. Но почему же мы все после этого должны становиться гражданами этого, с позволения сказать, гондона?»³².

Солдатики – знаки истории. С созданием Германской империи рынок наполнился фигурками прусской армии. В годы Первой мировой войны в Германии же появились русский казак и английский солдат – и это в условиях спада «кукольной» промышленности. С русской революцией пришли мальчиши-кибальчиши и красноармейцы.

Солдатики – знаки бытия. Как у О. Мандельштама: «В чёрном бархате советской ночи» можно вернуться – как-то феноменологически – в недавнее прошлое; если маркер нового времени – патруль, часовой, «злой мотор во мгле», то знак не стёртого в памяти прошлого – «Заводная кукла офицера»³³ («В Петербурге мы сойдёмся снова...», 1920).

Наконец, солдатики – это что-то из музыки и живописи. Для Брамса игрушечная армия была источником вдохновения. За левым плечом девочки с персиками, Веры Мамонтовой, В. Серов изобразил деревянного гренадёра. Он и сейчас в Абрамцеве на том же месте. Мамонтовы купили его в Троице-Сергиевой лавре нераскрашенным, Серов его расписал, и в музее хранится эскиз.

PS. Что дальше? Литературная репутация солдатика уязвима. На просторах Интернета попалась фабула о медном швейцарском ландскнехте времён Филиппа II. Он проживает за стеклянными створками. Конечно, он усатый, с длинным мечом, в тяжёлом панцире и высокой кирасе с пышным плюмажем. Конечно, он марширует туда-сюда. Этому великолепию приходит конец с вселением в квартиру пьяниц и наркоманов. Он стойко сопротивляется безобразию, но всё же его философия меняется: он мертвее мёртвого, а за стеклом жизнь бьёт ключом. В конце концов, солдатик пристрастился к водке и анаше³⁴.

- ¹ Елагин И. Игрушка // Елагин И. Собр. соч.: в 2 т. Т. II / Сост., подгот. текста, примеч. Е.В. Витковского. М., 1998. С. 127.
- ² Иванов В.Н. Игрушка (Японские стихи) // Русская поэзия Китая: Антология / Сост. В. Крейд, О. Бакич. М., 2001. С. 213.
- ³ Гофман Э.Т.А. Щелкунчик и мышиный король / Пер. А. Соколовского. СПб., 2011. С. 8, 11–12.
- ⁴ Шмелёв И.С. Праздничные герои // Шмелёв И.С. Собр. соч.: в 5 т. Т. VIII (доп.) / Сост., предисл. Е.А. Осьмининной. М., 2000. С. 240, 243.
- ⁵ Белый А. Котик Летаев / Белый А. Сочинения: в 2 т. Т. II / Сост. В. Пискунов, коммент. С. Пискуновой, В. Пискунова. М., 1990. С. 330.
- ⁶ Иванова Л. Воспоминания: Книга об отце. М., 1992. С. 34–35.
- ⁷ Белый А. Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст., примеч. Л.А. Сугай. М., 1994. С. 312, 313.
- ⁸ Бенуа А. Мои воспоминания: в 5 кн. Кн. I, II, III. М., 1993. С. 211.
- ⁹ Там же. С. 220.
- ¹⁰ Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: в 4 т. Т. II / Ред. тома Б.В. Томашевский, вступ. ст. В.Э. Вацурь, В.А. Мануйлова. М.-Л., 1959. С. 440.
- ¹¹ Андерсен Г.-Х. Стойкий оловянный солдатик // Андерсен Г.-Х. Сказки и истории: в 2 т. Т. I / Сост. Л. Брауде, вступ. ст. Т. Сильман, пер. А. Ганзен и др. Л., 1969. С. 126.
- ¹² Лукницкий П.Н. Встречи с Анной Ахматовой: в 2 т. Т. II. Париж – М., 1997. С. 6.
- ¹³ Гумилёв Н. Собр. соч.: в 3 т. Т. I / Сост., вступ. ст. Н.А. Богомолова. М., 1991. С. 288.
- ¹⁴ Чиннов И. Я сам с собою говорю по-русски // Чиннов И. Собр. соч.: в 2 т. Т. II. М., 2002. С. 152.
- ¹⁵ Сергей Есенин в стихах и жизни: Стихотворения. 1910–1925 / Вступ. ст., сост. Н.И. Шубниковой-Гусевой. М., 1995. С. 342.
- ¹⁶ Най Р. Покойный господин Шекспир. М., 2007. С. 380.
- ¹⁷ Маркес Г. Палая листва. СПб., 2000. С. 198, 199.
- ¹⁸ Северянин И. Тост безответный / Сост., предисл. Е. Филькиной. М., 1999. С. 305.
- ¹⁹ Камю А. Абсурдный мир. Вместо введения // Камю А. Хайдеггер М. Запад. Совесть или пустота. М., 2014. С. 61.
- ²⁰ В.В. Маяковский: pro et contra: Антология. Т. 2 / Сост., вступ. ст., коммент. В.Н. Дядичева. М., 2013. С. 616.
- ²¹ Андерсен Г.-Х. Стойкий оловянный солдатик. С. 130.
- ²² Иванов Г. Собр. соч.: в 3 т. Т. I. С. 233.
- ²³ Гофман Э.Т.А. Щелкунчик и мышиный король / Пер. А. Соколовского. СПб.: Азбука, 2011. С. 15.
- ²⁴ Там же. С. 84.
- ²⁵ Гофман Э.Т.А. Принцесса Брамбилла // Гофман Э.Т.А. Щелкунчик и мышиный король / Пер. Н. Аверьяновой. СПб., 2011. С. 90.
- ²⁶ Бенуа А. Жак Калло // Русский круг Гофмана / Сост. Н.И. Лопатина, Д.В. Фомина. М., 2009. С. 301.
- ²⁷ Гофман Э.Т.А. Принцесса Брамбилла. С. 89.
- ²⁸ Там же. С. 90.
- ²⁹ Шемякин М.М. Мой «Щелкунчик» // Русский круг Гофмана. С. 587.
- ³⁰ Шемякин М.М. Гофман – это реально зарисованный мир // Там же. С. 595.
- ³¹ Елагин И. Собр. соч.: в 2 т. Т. II. С. 127.
- ³² Кенжеев Б. «Я навеки прикован к русскому языку...». Письма, полученные по электронной почте, и рассуждения получателя. Получил, прочитал и прокомментировал А. Касымов // Вопросы литературы. 2001. Ноябрь – декабрь. С. 223.
- ³³ Мандельштам О. Сочинения.: в 2 т. Т. I / Сост. П.М. Нерлер. М. Худож. литература, 1990. С. 132.
- ³⁴ Куротков С. Нестойкий медный солдатик // <http://www.beesona.ru/id1757/literatura/3490/>